

БОЕВАЯ ДРУЖБА

Далеко, у самой линии горизонта узкой полоской тянется старый курган Мамай. Там — немцы. Они давно заняли высоту и держались за нее крепко: это была командная высота. С нее можно просматривать местность на много километров. Оттуда, как на ладони, был виден Сталинград, окутанный сизой дымкой пожара. Перед нашими войсками встала задача — захватить у немцев эту высоту. Больше чем за 5 дней началась подготовка к сражению. Внешне на этом участке было спокойно: пустовали огромные поля, безмолвно синел курган, только по черным нитям дорог изредка проходили люди.

Но все изменялось здесь ночью, когда бойцы выходили рыть землю. Они осторожно подходили к переднему краю обороны и молча принимались за дело. Они рыли ходы сообщения, прокладывали путь к врагу. Это были часы напряженного труда. Нельзя было ни разговаривать ни курить. Люди работали с молчаливым ожесточением. И когда на востоке появлялась белая полоска приближающегося рассвета, бойцы уходили обратно, маскируя по пути свежеврытую землю.

Так продолжалось несколько ночей. Глубокие ходы сообщения сползательными ячейками уходили все дальше в гору, к высоте. Теперь до вражеских позиций оставалось не более 400 метров, но зато самых трудных: поляна была заминирована и окутана колючей проволокой.

И вот нашлись добровольцы, которые, рискуя жизнью, взялись разминировать поле. Это были заступники гвардии старший сержант Артем Кочарян, гвардии сержанты Черкасов, Милованов и гвардии рядовой Мельников. Скрываясь в мерзлой траве, не поднимая головы, они медленно и осторожно ползли вперед. Руки наливались кровью, голова тяжелела, все тело ныло и по лицу стекал на землю тяжелый соленый пот.

Так смельчаки вытащили 128 мин, проложив дорогу к колючей проволоке.

Наши окопы остались позади. Каким-нибудь 150—200 метров отделяют бойцов от кургана. Где-то совсем близко притаились немецкие дозоры, секреты.

Выставив боевое охранение, гвардии капитан Черноглазов, командир 1-го батальона Краснознаменного Лорейского полка, со своего командного пункта руководит последними приготовлениями к бою. Еще раз уточнена таблица открытий и перенесения огня, танкистам указаны танкодоступные направления.

Привлекая к стереотрубе, капитан не отрывая взгляда от кургана. На его умном лице нет-нет да и мелькает тень беспокойства: все ли он продумал?

Но, вспомнив три последних месяца, Черноглазов чувствует прилив уверенности и спокойствия. Нет, не зря прошли в огненном кипении октябрь, ноябрь, декабрь. В упорных боях на берегах полноводной реки люди познали цену мужества и стойкости. А последние три дня? Отведенный в ближний тыл батальон яростно, словно в предстоящем бою, штурмовал такую же высоту, как и эта.

В пять с половиной часов утра по условному сигналу оружие бывшего учителя села Базарный Сысванского района, гвардии старший сержант Аргам Аюпьян выпустило первый снаряд. Снаряд угодил точно в цель: большие комья земли и бревна взлетели в воздух — центральный немецкий дзот перестал существовать. Вслед за этим выстрелом последовал второй, еще более оглушительный, — это полетело в воздух кожанное саперами проволочное заграждение.

Почти одновременно вступили в дело полковые пушки и минометные батареи. Дым от разрывов порою совсем закрывал курган.

Двадцать минут прокладывали артиллеристы путь изготовившейся к прыжку пехоте. Двадцать минут артиллерийского грома. Потом на бруствер окопа выскакивает гвардии младший лейтенант Александр Новиков.

— За мной, товарищи! Вперед!

Мгновенье, которого все ожидали с трепетным волнением, настало. Сжатая винтовка до боли в суставах, с устремленным вперед жалом штыка атакующие огромными прыжками бегут к высоте.

Немцы, не ожидавшие удара, выбежали на блиндажей и, поняв в чем дело, старались послешно ванять оборону. Некоторые из них просто убежали.

В это время гвардии сержант Ва-

силье выкатыв свою пушку на поляну. Немцы открыли по расчету Васильева ураганный огонь из противотанкового орудия. Заметив это, командир батареи, гвардии старший лейтенант Лопата, назвав цель, громко скомендовал:

— По вражеской пушке — огонь!

Расчет гвардии старшего сержанта Аюпьян изготовился к бою. Со второго снаряда противотанковое орудие фашистов замолчало. Затем весь огонь был перенесен на вражеские пулеметы, мешавшие продвижению нашей пехоты.

Гвардии капитан Черноглазов наблюдает за полем боя. Он знает, что немцы попытаются заградиться огневой завесой и, вызвав к телефону «Дон» и «Волгу», напоминает о необходимости усилить темп атаки. Продвижение батальона становится еще более стремительным. Вот скачками несется гвардии рядовой Михаил Новосельцев. Каска сдвинута на затылок, рот раскрыт в могучем «ура». Прижав к животу автомат, он поливает немецкие траншеи густым огнем. Рядом с ним орудует прикладом морщины Туршатов. Ворвавшись в траншею, он тремя последовательными очередями расстреливает черпа трем фашистам.

На старом кургане Мамай — огонь, дым, крики, дружное «ура». Немцы выбиты из окопов, траншей и бегут, беспорядочно отстреливаясь. Они пытаются оторваться, сбросить атакующих со своей спины. Курган взят! Сто семдесят немцев распылались на мерзлой траве.

Но самое трудное было впереди. Отбоя курган, сшибая и догоняя друг друга, катились серо-зеленые валы немецких контратак. Наша пехота открыла такой шквальный огонь, что немцы валогли. Прячась в мерзлой траве, они медленно ползли к высоте. Тогда вперед вырвался Андрей Семенчук — рослый, крикостный парень с Киевщины. Одну за другой он бросил две противотанковых гранаты. Несколько десятков немцев как ветром сдуло. Это послужило сигналом к наступлению «карманной артиллерии».

Была отбита и вторая вражеская атака. Всю ночь пехотинцы, зарываясь в землю, прислушивались к стомам и крикам немцев, доносившимся со двести балки. А утром, едва забрезжил рассвет, контратаки возобновились.

На этот раз гитлеровцы нанесли по высоте сильный артиллерийский и минометный удар. Два батальона стянулись в балку и, забрав левее, пытались обойти наши боевые порядки. Из всех окопов и траншей бойцы поливали разъяренных гитлеровцев свинцом. Между тем, немцы продолжали наступать. Они хотели все что бы то ни стало вернуть потерянные позиции.

Но (путь оккупантам преградили пулеметчики. Их было четверо: гвардии старший сержант Николаев, гвардии сержант Манукян, гвардии рядовые Покровский и Костиков. Больше двухсот гитлеровцев шло на них. Град снарядов и мин не давал им поднять головы, но они не дрогнули.

Когда фашисты подошли ближе, раздалась частая дробь пулемета. Один за другим, как подкошенные, падали гитлеровцы. Они прошли еще немного, но разный огонь станкового пулемета остановил их. В это время обстрел из вражеских орудий и минометов усилился. Одна из мин разорвалась недалеко от пулеметчиков, и гвардии старший сержант Николаев погиб. Он ушел у пулемета головой вперед. Он погиб, как герой.

Некоторое время пулемет молчал; немцы воспользовались этой передышкой и опять бросились в атаку.

— Отомстим гадам за командира! — кричал гвардии сержант Манукян, бросаясь к пулемету. И опять свинцовые очереди сражали фашистов, и опять падали они на землю, не достигнув высоты.

Оставив более 150 трупов, откатился третий вал атакующих. А затем пополненный, он снова ленивым прибором захлестнул высоту. И снова — огневые удары, глухие вздохи гранат, рукопашная. И снова советский штык начал вал груды тел, выпуская в балку ручьи черной немецкой крови.

Старый курган Мамай навсегда стал советским. Гвардейцы капитана Черноглазова одними из первых соединились с героическими защитниками Сталинграда. На Сызранской улице их трогательно встретил Герой Советского Союза прославленный генерал Родимцев.

Гвардии старший лейтенант
А. МАТХАШЯН.